

<29 января 1923>

«г<ород> Вятка. 29/1-1923.

Многоуважаемая Екатерина Павловна! По уполномочию своих товарищей по ссылке обращаюсь к Вам со след<ующими> просьбами <...>

В августе-сентябре прошлого года из разных городов было направлено в ссылку в г<ород> Усть-Сысольск, т<о> е<сть> в область Коми или зырян, несколько социалистов, — преимущественно обвиняемых в принадлежности к П<артии> с.р. — После обычных мытарств они были сосредоточены в Вятской тюрьме, где пробыли около 3-х недель, затем их отправили на станцию Котлас, оттуда — назад, ближе к Вятке, на ст<анцию> Мураши, где их должен был принять уполномоченный Зырянской области. Но у последнего не оказалось денег на доставку (на лошадях — около 400 в<ерст>) всей партии в областную столицу — Усть-Сысольск, и партия застряла на ст<анции> Мураши. Там она пробыла в нужде и голоде около 2-х недель, пока мы с С. И. Ежовым-Цедербаумом, узнав об их бедственном положении, не обратились к нач<альни>ку Вятской ГПУ — Ремишевскому¹ с просьбой взять всю эту партию в Вятку, где бы она могла отдохнуть от трехмесячных мытарств по этапам. Ремишевский согласился, вытребовал всех из Мурашей в Вятку, где "выпустил их на свободу до получения из Москвы ответа на свое представление об оставлении их в Вятке до весны". Это было 3 или 4 декабря. Ответ из Москвы последовал благоприятный. "Коми-ки" наши успокоились и с благословения Ремишевского стали устраиваться. Часть выписала жен и детей; устроились на местах и стали понемногу оправляться. Нужно сказать, что во время кочевания своего по этапам многие из них переболели тифами; один из них — с.р. Козлов (рабочий, чл<ен> Учр<едительного> Собр<ания>) умер от тифа в Котласе.

Сегодня неожиданно всех "коми-ков" вызвали в ГПУ и предложили, согласно требованию из Москвы, в 3-х дневный срок выехать в Усть-Сысольск. Положение создается трагическое. Ни у кого из них нет теплой одежды, без к<ото>рой немисливо ехать 400 верст по снежной пустыне. У Лотошникова С. М. на руках здесь семья — жена и 3 маленьких детей (младшему 6 месяцев). Двое еще не оправились от последствий тифа.

Ввиду отсутствия Ремишевского, его заместитель Альтберг согласился, в конце концов, отсрочить выполнение своего требования до возвращения Ремишевского из Москвы, что ожидается дня через два.

Наша общая просьба к Вам — добиться в ГПУ разрешения остаться им в Вятке до весны, когда откроется пароходное сообщение с Усть-Сысольском <...>².

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой:

«Говорила с Андреевой. Е.П.».

<2 февраля 1923>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна! По поручению своих товарищей по ссылке обращаюсь к Вам со след<ующими> просьбами.

В селе Вознесенье-Вохма Никольск<аря> уезда Северо-Двинской губ<ернии> находится Борис Николаевич Бутягин, попавший туда из Великого Устюга. Как Вы, б<ыть> м<ожет>, помните, он принадлежит к группе смолян-меньшевиков, сидевших в Бутырках в 1921-1922 г<одах> и высланных в январе 1922 г<ода> в Вятку и Великий Устюг на один год. Срок ссылки им всем кончился 5 или 10 января с<его> г<ода>. Почти все,

¹ Ремешевский — начальник ГПУ в Вятке в 1923 году.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 5. С. 269-270. Автограф.

бывшие в Вятке, с.-д. уже уехали на свободу. Но Бутягина до сих пор не пускают из его настоящего места жительства. Положение его и семьи ужасное (с ним — жена и 2-х летний сын). Они доедают последние крохи, оставшиеся после продажи вещей. Сидит без заработка, так <как> уполномоченный ГПУ препятствует ему служить, где бы то ни было. Если даже придет разрешение ему на выезд, — ему не на что будет выехать. Я только что получил от него письмо с просьбой написать о нем Кр<асному> Кресту (за отъездом своих товарищей с.-д. смолян, он обращается ко мне, по старой памяти, как к бывшему полит<ическому> старосте Бутырской тюрьмы, где мы с ним сидели вместе).

Будьте добры, похлопочите за него в ГПУ, потребуйте, чтобы они по телеграфу прекратили незаконное задерживание в его ссылке и дали возможность за казенный счет выехать из гиблых мест.

Найти заработок здесь становится все труднее и труднее: штаты везде сокращаются, а между тем ссыльных все подбавляют <...>³.

<22 февраля 1923>

«г<ород> Вятка. 22/II -1923.

Многоуважаемая Екатерина Павловна! По уполномочию своих товарищей по ссылке обращаюсь к Вам со след<ующими> просьбами <...>

С месяц тому назад сюда выслана на 2 г<ода> из Киева Мария Леонидовна Фесечко, 23 л<ет>, арестована вместе с другими с.-р. (Шумиловыми и пр<очими>) 28.09. в Киеве. Она находится в последнем периоде беременности, не имеет ниоткуда матер<иальной> поддержки, нуждается в самом необходимом для себя и для ребенка (ни белья, ни теплой одежды и т<ак> д<алее>). За ней последовал сюда добровольно (с ведома Киевского ГПУ) ее муж Ванслов Влад<имир> Влад<имирович>, но его на днях ар<естовало> местное ГПУ, по-видимому, по усвоенному Ремешевским правилу, арестовывать всех добровольно следующих за своими ссыльными мужьями и женами (примеры: Ежова-Цедербаум К. И., Добрякова А. А.). Нужно ожидать, что и его также, как и Конк<ордию> Ив<ановну> Цедербаум и Добрякову пошлют сначала в Киев или Москву "для удостоверения личности", а затем обратно в Вятку в ссылку — к жене. Вмешательство товарищей, указывавших местному ГПУ на то, что Ванслов сопровождал сюда жену с ведома Киевского ГПК (там даже по этому поводу сказали ему: "если эсеры сами добровольно едут с женами в Вятку, мы только этому рады"), и что его беспричинный арест может вызвать тяжелые последствия для беременной жены, не помогли: его не освобождают.

Наша просьба к Вам: 1) помочь, если Вы располагаете для того средствами, Фесечко, выслав ей теплой одежды и белье для нее и для ребенка; 2) указать на бесцельную жестокость подобных арестов (можно было отобрать подписку о невыезде, раз человек сам добровольно ехал сюда, чтобы не оставить жену беспомощною) <...>.

Найти заработок здесь становится все труднее и труднее: штаты везде сокращаются, а между тем ссыльных все подбавляют <...>.

Я уже писал Вам, что Фесечко находится в ужасном материальном положении: нет даже необходимого белья не только для ребенка, но и для себя. Муж ее имел, хоть и грошовый, но все же какой-ниб<удь> заработок. С арестом его она лишилась и последнего. Товарищеская помощь м<ожет> б<ыть> лишь очень скромной, так как половина ссыльных (всех нас, по делу с.-р., здесь около 25 ч<еловек>) — безработных. А на пособие

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 27. С. 4-5. Автограф.

ГПУ — 75 р<ублей> (пайка с февраля теперь не выдают) не может прожить здесь даже одинокий (мука здесь уже — 26 р<ублей>) <...>⁴.

<24 сентября 1923>

«Вятка. 24/IX-23.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Одна из наших товарищей по ссылке по делу с.-р. Гинда Семеновна Цейтлин, высланная сюда на 3 года по пост<ановлению> от 5 янв<аря> 1923, больна туберкулезом настолько, что ей надо менять климат на более южный. — Она желала бы попасть в Ташкент, так как там есть университет (конечно, хорошо было бы попасть в Симферополь, где есть тоже уни<верситет>, но на перевод туда мало надежды), и она могла бы продолжать там свое образование (она — студентка-медичка 5-го курса 2-го Москов<ского> ун<иверсите>та). Она не уверена, что ее примут в качестве полноправной студентки, — но все же неофиц<иальным> порядком посещать университет она смогла бы. — Отрыв от науки ее гнетет, и этим, м<ожет> б<ыть>, ухудшается и ее физическое состояние.

Начинать хлопоты перед ГПУ о переводе самой она считает рискованным, так как ее могут перевести вместо Ташкента в какой-нибудь Чимкент или Ходжент, где нет университета. Поэтому она обращается к Вам с просьбой позондировать почву в ГПУ, согласится ли последнее перевести ее в университетский город или это согласие исключено. — Не в университетский город она не поедет.

Если Вам удастся заручиться согласием на перевод в Ташкент, то тогда подайте, пож<алуй>ста, прилагаемые заявления и удостоверение врача диспансера.

Вещи, присланные Вами для ссыльных в Вятке с анархистом Л.Я. Фрейбергом согласно накладной за № 663, я получил и раздачу произвел. Расписки получивших вышлю Вам на днях, — по получении их от представителей фракций. — Колония ссыльных поручила мне выразить Вам глубокую благодарность. С искр<енним> уваж<ением>.

С. Студенецкий.

Р. С. Из Усть-Сысольска я получил письмо от нашего товарища Ал<ексея> Влад<имировича> Гумилевского, где он пишет о большой нужде в вещах, испытываемой ссыльной по делу с.-р. Покровской. По дороге в ссылку ее дважды обокрали: в тюрьме и на жел<езной> дороге. У нее нет ни обуви, ни теплой одежды, ни белья. Тамошняя компания просила меня написать Вам их просьбу помочь Покровской, чем можно <...>. Всех ссыльных социалистов в Усть-Сысольске сейчас свыше 30 ч<еловек>, но из особо нуждающихся названа только одна, Покровская⁵.

На письме — первая помета рукой Е. П. Пешковой:

«Выслать вещи Покровской Усть-Сысольск, Сев<еро>-Загородная, 5. Ал<ексан>дру Вл<адимировичу> Гумилевскому для нее. Е.П. 9/X-23».

«Бумазея 20 арш<ин>. Ситец 10 арш<ин>. Байка 6 арш<ин>».

<12 ноября 1923>

«Е. П. Пешковой.

Помощь политзаключенным. Москва.

12/XI-1923. Вятка. У<лица> Володарского д. 77 кв. 1.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 27. С. 4об.-6. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 6. С. 452-453. Автограф.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

По поручению т<оварищей> и заинтересованных лиц обращаюсь к Вам со следующими просьбами:

Муж нашего товарища по ссылке (по делу с.-р.) Л. С. Сосиной — Людвиг Юзефович Амброзевич, добровольно последовавший за ней в ссылку летом нын<ешнего> года, — был арестован местным ГПУ 10 сентября с<его> г<ода> и до сих пор содержится в Вятке, в тюрьме. — Единственно, в чем его обвиняет местное ГПУ — это то, что он, будучи меньшевиком (в качестве такового он жил все время в Иркутске перед приездом сюда открыто и легально), скрыл сие по приезде сюда, и об его нахождении в Вятке местное ГПУ узнало лишь от Иркутского ГПУ. Амброзевич не отрицал того, что он раньше был с.-д., но теперь он отошел от партии и не работает. — Вскоре после приезда сюда он поступил под своим именем на службу в ГСНХ в качестве бухгалтера, жил в одно кв<арти>ре с семьей и занимался мирным трудом.

Местное ГПУ послало его дело в Москву уже больше месяца, но приговора до сих пор нет <...> Наша просьба к Вам — похлопочите перед ГПУ об ускорении решения суда, за отсутствием к<аких>-либо справок, — о немедленном освобождении его под подписку о невыезде. Семья его (жена и 2 мал<ых> детей) терпят страшную нужду, и держание его в тюрьме — является при наст<оящих> усл<овиях> совершенно бесцельной жестокостью <...>.

Больше всего страдаем от отсутствия заработка (до 50% безработных) и квартир. Места есть, но ГПУ посл<еднее> время чинит препятствия <...>»⁶.

⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 28. С. 247-248. Автограф.